

НКО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТЕСТАХ

Всеволод Дмитриевич Бедерсон (vsbederson@gmail.com),
Вячеслав Антонович Логинов

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

Цитирование: Бедерсон В.Д., Логинов В.А. (2020) НКО в современной России: анализ участия в политических протестах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 163–182. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.6>

Аннотация. Исследование посвящено ответу на вопрос, почему профессиональные НКО в современной России, помимо конвенциональных неполитических форм взаимодействия с властью, прибегают к политическим протестам. На основе данных о протестных акциях в регионах России в 2013 и 2015 гг. анализируются политические и организационные факторы, способствующие и препятствующие участию НКО в протестах с политическими требованиями. Методом логистической регрессии анализируется, как связано участие НКО в протестах с политическими требованиями и членством представителей НКО в консультативно-совещательных органах, Общероссийском народном фронте, участием в выборах, возрастом/опытом НКО, а также сферой деятельности НКО. Результаты количественного анализа оказываются противоречивыми. С одной стороны, ни один из предикторов не имеет статистической видимости хотя бы на минимально конвенциональном уровне. С другой стороны, направление связи переменных соответствует теоретическому ожиданию и гипотезам. Членство в консультативно-совещательных органах, Общероссийском народном фронте и участие в выборах отрицательно связаны с участием НКО в протестах с политическими требованиями. Большой возраст, вопреки ожиданию, имеет положительную связь. Сфера деятельности НКО по всем выделенным категориям не показывает статистической видимости.

Ключевые слова: НКО, протесты, выборы, гражданские ассоциации.

Взаимодействия гражданских ассоциаций и государства — широкая исследовательская тема. Литература рассматривает НКО агентами социально-экономической политики, которым государство передает свои функции в части реализации социальных услуг, повышения благосостояния граждан (Тарасенко 2015; 2018; Popova, Kirdina 2014; Rochlitz 2015). Взаимодействие НКО и государства рассматривается в логике, где государство представляет собой монопольного агента на определение «правил игры» и «заказчика» социальных услуг (Fröhlich 2015; Tumanova 2014;

Краснопольская, Мерсиянова 2014). Взаимодействие с государством рассматривается как регулирующее: государство задает организационные формы, определяет потоки ресурсов, выступает в качестве контролирующего органа (Мерсиянова 2013; Мерсиянова, Якобсон 2007; Spirina 2015; Беневоленский 2014).

В политической науке взаимодействие НКО и государства — вопрос стабильности политических режимов: гражданские ассоциации способствуют укреплению демократических институтов (Putnam et al. 1994; Cohen, Arato 1994; Keane 1988). В демократиях третий сектор представляет собой механизм гражданского контроля за властью, поддержки гражданского участия в управлении и др. (Якобсон 2014; LeVan 2011). Классические тексты о типах отношений НКО и государства отмечают, что вне зависимости от политического режима отношения носят динамический характер и имеют широкую вариацию форм (Coston 1998; Najam 2000). В последние годы в политологической литературе получила разработку тема гражданского общества в недемократических режимах. Исследования обращают внимание на механизмы кооптации независимых НКО в структуру авторитарного порядка (Heurlin 2010; Lorch, Bunk 2016; Wischermann et al. 2016), на то, как и почему существуют гражданские протесты в недемократических условиях и когда они бывают успешными (Lagerkvist 2015; Wu 2013; Hsu 2015).

Несмотря на обширность исследований, мы можем говорить, что причины и условия использования НКО политических форм взаимодействия с государством не до конца понятны. И хотя в отношении неформальных гражданских объединений исследования дают представление о том, что перетекание репертуара и форм в социальных движениях распространено (Moser 2003; Журавлев, Савельева, Ерпылева 2014; Филиппова 2018), то в отношении профессиональных НКО такого сказать нельзя: насколько широко профессиональные НКО вовлекаются в протестную активность? Кроме того, реальность показывает, что профессиональные НКО прибегают к протестам с политическими требованиями, хотя являются чувствительными к существующему положению дел, особенно в условиях авторитарного порядка.

На примере современной России мы ставим исследовательский вопрос: какие факторы влияют на использование профессиональными НКО политических форм воздействия на власть и взаимодействия с государством? Мы ориентируемся на собственные и доступные данные об участии НКО в протестных акциях.

Теоретические ожидания и гипотезы

Взаимодействие профессиональных НКО с государством является рутинной практикой, поскольку требуется для реализации целей и удовлетворения интересов целевых групп НКО. Однако, как показывают исследования НКО в схожих с российским режимах, в авторитарном контексте деятельность и активность НКО по защите интересов целевых групп вторичны по отношению к поддержке режима / политической лояльности (Heurlin 2010; Lorch, Bunk 2016; Wischermann et al. 2016; Doyle 2017). Следовательно, мы склонны ожидать, что внутренние характеристики НКО и ее активности должны быть связаны с использованием политических форм: участием/неучастием в протестных акциях с политическими требованиями.

Боуддинг с опорой на теорию мобилизации ресурсов показала, что профессиональные НКО обладают организационным ресурсом и если государство не может вовремя воспользоваться им и заручиться поддержкой НКО, то в условиях институциональной неэффективности и снижения доверия к государству организационная среда НКО становится платформой для протестной мобилизации (Boulding 2010; McCarthy, Zald 1979). Полагаем, что участие НКО в протестах с политическими требованиями — индикатор перехода НКО за пределы рутинных форм взаимодействия с государством. Здесь важно не то, отказывается или нет НКО от иных форм взаимодействия, но важно, что само по себе это становится манифестацией чувствительной для режима темы: государство заинтересовано в снижении вероятности участия НКО в протестных акциях с политическими требованиями (Richter, Hatch 2013; Doyle 2017).

Научная литература показывает, что доминирующей формой контроля государства за независимыми НКО в автократиях является кооптация. Если Нейджам выделял ее в качестве одного из типов взаимодействий (Najam 2000), то новейшие исследователи склонны этой формой объяснять логику авторитарных режимов в отношении гражданского общества: современные автократии не столько репрессивны к независимым активностям, сколько стремятся к тому, чтобы купить их лояльность (Gandhi, Przeworski 2006; Sheng 2009; Kim, Gandhi 2010; Guriev, Treisman 2019), встроить в структуры, обеспечивающие устойчивость авторитарного порядка, взять под контроль путем кооптации (Lorch, Bunk 2016; Wischermann et al. 2016; Doyle 2017).

Кооптация возможна с помощью институций, которые не будут наносить политического ущерба режиму и будут создавать впечатление участия НКО в выработке политического курса с помощью консультативно-совещательных

площадок при органах власти. Лорк и Бунк показали, что участие НКО в таких институциях позволяет авторитарному режиму одновременно решать проблему обратной связи и ненужной политизации гражданских ассоциаций (Lorch, Bunk 2016). Также показано, что консультативно-совещательные органы (КСО) выступают системой, подобной «приводным ремням», и канализируют независимую активность: общественники вместо политических требований артикулируют свой протест в подконтрольных государству форматах (Hsu 2009; Teets 2014). В России КСО представляют унифицированную систему, субъектность самих КСО варьируется, но их политическое значение заключается в обеспечении подконтрольной активности НКО и получении обратной связи/экспертизы (Сулимов 2018; Борисова, Минаева 2016). Наша гипотеза:

H1a: участие представителя НКО в работе КСО должно быть отрицательно ассоциировано с участием НКО в протестах с политическими требованиями.

Еще одной формой кооптации и канализации протестных настроений в авторитарном контексте выступают квазинеправительственные организации (GONGO/ГОНГО). ГОНГО способствуют замещению некоммерческого сектора и независимой активности подконтрольными или напрямую созданными государством организациями. Исследования показывают подобное на примерах Вьетнама, Сирии и Китая (Heurlin 2010; Lewis 2013; Kawakibi 2013; Spires 2011). Авторитарные режимы склонны укреплять собственную устойчивость за счет расширения социальной базы поддержки, и ГОНГО могут выступать как платформы для этого. Полагаем, что Общероссийский народный фронт (далее — ОНФ) может быть рассмотрен в качестве такового, следовательно:

H1b: аффилированность НКО или ее представителей с ОНФ должна быть отрицательно ассоциирована с участием НКО в протестах с политическими требованиями.

Участие в выборах для НКО не является рутинной формой взаимодействия с властью. В авторитарном контексте выборы принято рассматривать как механизм поиска устойчивости авторитарного порядка (Magaloni 2006; Boix, Svoboda 2013; Gandhi, Przeworski 2006; Zavadskaya 2012). Как показывают исследования по Турции (Doyle 2017), Малайзии (Giersdorf, Croissant 2011), России (Тарасенко, Кулмала 2015), партия власти может служить механизмом включения гражданских ассоциаций в структуру авторитарного порядка: через создание специальных институций при партии власти или через выстраивание клиентельных отношений с целевыми аудиториями НКО. Важно, что гибкость авторитарного режима может заключаться еще и в том, что партии системной оппозиции

также могут стать механизмом кооптации независимых политиков и активистов (Reuter, Robertson 2015; Armstrong, Reuter, Robertson 2019). При этом НКО рассматривают отношения с системными партиями режима как способ для реализации интересов целевых групп и поэтому могут быть в определенных ситуациях мотивированы на обмен своей репутации и организационной структуры на помощь в реализации своей деятельности. Партии же, в свою очередь, также будут относиться к НКО инструментально, и мы вряд ли можем ожидать большой поддержки с их стороны, в том числе для ведения избирательной кампании. Исследования демонстрируют, что гражданское участие существует в каузальной связи с организационной плотностью некоммерческих гражданских ассоциаций (Sampson et al. 2005). Это делает НКО привлекательными для политических партий в электоральном процессе и объясняет возможности НКО для участия в выборах. Кроме того, политическая мобилизация с целью интенсификации взаимодействия с органами власти приводит к увеличению ресурсного потенциала организации, но снижает ее автономию (Kriesi 2012). Луис показал, что участие в деятельности НКО значительно повышает политическое участие граждан, в том числе электоральное (Louis 2000). Исходя из сказанного мы включаем в наш анализ участие представителей НКО в выборах от «Единой России» и других парламентских партий и различаем его с участием в выборах от непарламентских партий или самовыдвижения.

Н2: участие представителей НКО в выборах от «Единой России» или других парламентских партий должно быть отрицательно ассоциировано с участием НКО в протестах с политическими требованиями.

Сфера деятельности НКО также может быть чувствительна для взаимодействия НКО и авторитарного государства. Например, отмечается чувствительность автократий к проблеме прав человека, поэтому такие государства склонны накладывать дополнительные политические или организационно-правовые издержки на правозащитные организации (Ducy, Ron, Prakash 2015; Gilbert 2016; Семенов, Бедерсон 2017; Skokova et al. 2018), в других случаях проблемной для авторитарного государства является экологическая повестка (Wu 2013; Huang, Sun 2019), в третьих — трудовые вопросы (Magaloni, Wallace 2008; Robertson, Teitelbaum 2011; Бизюков 2011; Wang 2017). В отношении НКО из других сфер деятельности авторитарное государство будет стремиться применять, как отмечалось выше, кооптационную стратегию, таким образом, НКО из чувствительных для автократии сфер деятельности могут быть более склонны к политическим протестам.

Н3: мы должны ожидать положительную ассоциацию между сферой деятельности НКО, чья сфера деятельности является чувствительной для режима (права человека, экология и защита трудовых прав), и участием в протестах с политическими требованиями.

Полагаем, что возраст НКО также значим. Законодательство и средовые условия появления и существования НКО на протяжении постсоветской истории России существенно менялись (Семенов, Бедерсон 2017; Skokova et al. 2018). Возраст в данном случае связан с опытом организации: НКО, появившиеся на различных этапах и в различные периоды, имеют различный опыт адаптации к переменам и новым условиям. В научной литературе нет устоявшегося мнения по поводу, как возраст/опыт организации связан с ее активностью: с одной стороны, экологическая организационная теория указывает, что более опытные организации менее склонны к радикальным действиям, поскольку крепко утверждены в своей нише (Hannan, Freeman, 1989), с другой стороны, другие исследования показывают, что молодые организации также могут быть менее склонны к радикализации, потому что вынуждены зарабатывать поддержку сторонников и доноров (Gurta 2009). Мы ориентируемся на следующее: более взрослые и опытные НКО должны быть склонны к использованию разнообразного репертуара и, обладая опытом адаптации, более склонны к влиянию на власть через участие в политических протестах, в то время как более молодые НКО могут быть более осторожны к политическим формам влияния на органы власти.

Н4: возраст НКО должен быть положительно ассоциирован с участием в протестах с политическими требованиями: более взрослые НКО скорее будут протестовать с политическими требованиями, чем более молодые НКО.

Данные и метод

В качестве зависимой переменной для количественного анализа мы берем участие НКО или ее представителей в протестах с политическими требованиями, т.е. адресованными федеральной власти и/или в качестве требований содержащих политический аспект: требование отставки правительства/президента/парламента, государственного устройства, темы, связанные коррупцией в федеральных органах власти, протесты направленные против политического курса правительства/президента. Зависимая переменная в таком случае принимает бинарный вид: (1) политические протесты с политическими требованиями и (0) неполитические протесты.

Данные про участие НКО в протестах были взяты из базы данных ЦСИПИ ПГНИУ «Состязательная политика в России, 2012–2016» (Семе-

нов 2018). База данных создана на основе сообщений СМИ по поисковому запросу в системе «Интегрум» об акциях протестов в российских городах. Далее из этого массива были отобраны акции за 2013–2015 гг., участниками или организаторами которых были НКО. Такой временной период был выбран в силу доступных данных и объясняется структурной динамикой протестной активности и некоммерческого сектора до и после крымских событий (Семенов 2018). Мы принимали участие НКО в протестной акции в соответствии с базой данных, если переменная «организатор» отмечала НКО в качестве такого. Мы разделили акции по типу протестов, повторяющиеся НКО исключили. Всего для нашего анализа получилась выборка в 139 организаций.

Далее на основе открытых источников мы собрали информацию для операционализации независимых переменных:

- участие в КСО: если руководитель НКО* входит в состав любого КСО любого уровня. Переменная имеет биномиальный вид: 1 — участие в КСО, 0 — не участие;
- участие в ОНФ: если руководитель входит в состав ОНФ или НКО входит в ОНФ как юридическое лицо. Переменная имеет биномиальный вид: 1 — участие в ОНФ, 0 — не участие;
- участие в выборах — категориальная переменная: (2) если руководитель принимал участие в выборах от парламентской партии («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), (1) участие в выборах от любой другой непарламентской партии или в качестве самовыдвиженца, (0) неучастие в выборах;
- сфера деятельности НКО — категориальная переменная;
- возраст НКО: в связи с сильно смещенным распределением, а также в целях более содержательного анализа (абсолютное количество лет существования менее показательны по сравнению с принадлежностью к определенным «поколениям» организаций) переменная «возраст» была дискретизирована на три группы — (1) 1–5 лет (НКО, появились после 2012 г. в условиях закона «об иностранных агентах»), (2) 6–12 лет (НКО, которые появились после первых существенных ограничительных законодательных изменений в отношении НКО в 2006 г.), (3) 13 лет и старше (НКО, которые являются «ветеранами» некоммерческого сектора).

* Во всех случаях рассматривается вариант: руководитель НКО и/или другая персона, которая состоит в органах управления НКО (заместители руководителя, члены правления и др.).

Результаты количественного анализа

Описательная статистика по протестным акциям, в которых НКО принимали участие или были организаторами, представлена на рисунке 1. В 2013 г. от общего количества протестных акций за год протесты НКО составляют 18,3 %, в 2014 г. — 12,3 %, в 2015 г. — 19,7 %.

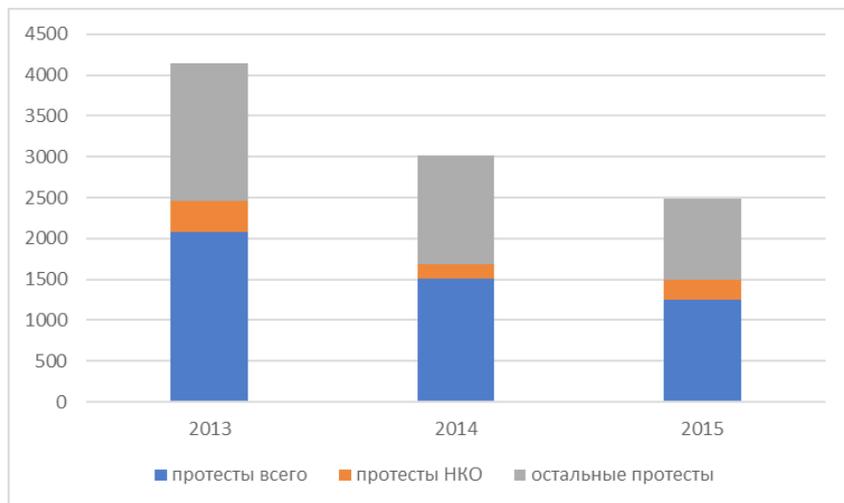

Рис. 1. Акции протестов в 2013–2015 гг.
Источник: база данных ЦСИПИ. Расчеты авторов.

Распределение протестов НКО по типам представлено на рисунке 2. Мы видим, что протесты НКО преимущественно неполитической тематики, здесь и есть интерес в том, чтобы понять, что способствует и препятствует политизации протестных требований НКО.

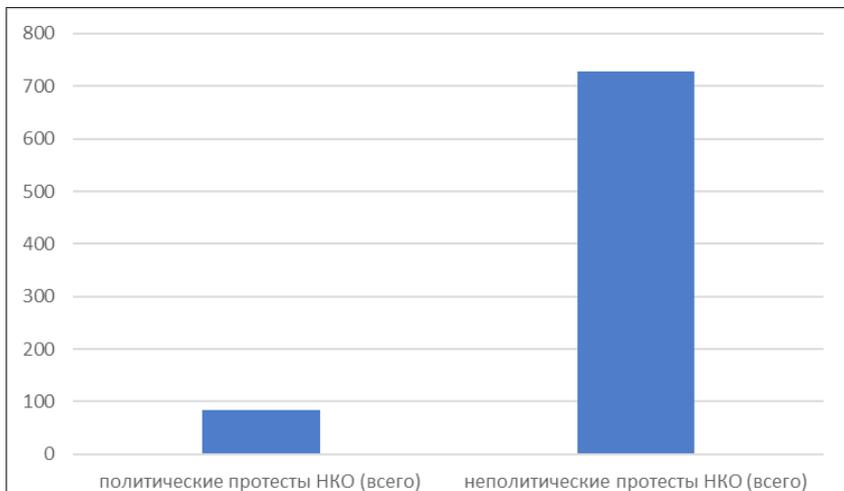

Рис. 2. Распределение протестов НКО по типам
 Источник: база данных ЦСИПИ. Расчеты авторов.

По сферам деятельности попавшие в анализ НКО принадлежат к восьми категориям: правозащитные, экологические, профсоюзы, отраслевые ассоциации, социальные (с конкретной проблемой, не относящейся к правозащите или экологии), гражданско-политические, военно-патриотические организации, а также ветеранские организации.

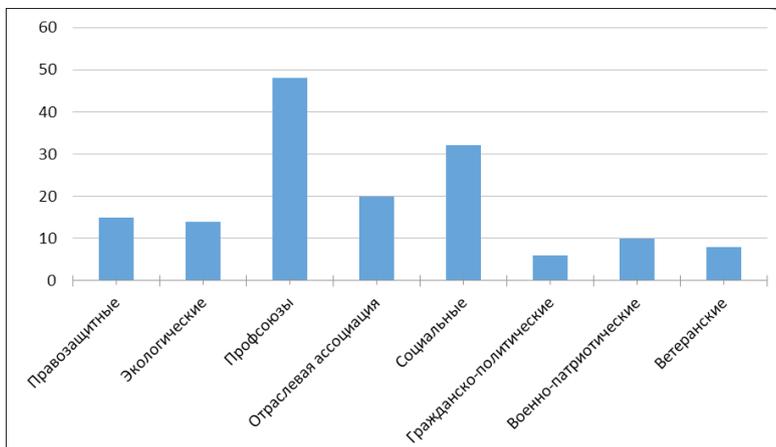

Рис. 3. Распределение НКО по типам
 Источник: база данных ЦСИПИ. Расчеты автора.

Таблица

Результаты логистической биномиальной регрессии

<i>Predictors</i>	(1)			(2)		
	<i>Odds Ratios</i>	<i>std. Error</i>	<i>Statistic</i>	<i>Odds Ratios</i>	<i>std. Error</i>	<i>Statistic</i>
(Intercept)	0.27 ***	0.35	-3.69	0.14	1.28	-1.51
KSO [1]	0.55	0.53	-1.12	0.52	0.59	-1.12
Elect [1]	0.47	0.68	-1.12	0.33	0.73	-1.52
Elect [2]	0.79	0.63	-0.38	0.74	0.68	-0.44
ONF [1]	0.72	0.68	-0.48	1.12	0.75	0.15
age [1]				5.99	1.15	1.56
age [2]				4.05	1.18	1.18
typeorgdomain [2]				0.22	1.24	-1.22
typeorgdomain [3]				0.28	0.82	-1.55
typeorgdomain [4]				0.00	1407.89	-0.01
typeorgdomain [5]				0.85	0.80	-0.21
typeorgdomain [6]				0.63	1.33	-0.35
typeorgdomain [7]				0.82	1.09	-0.19
typeorgdomain [8]				0.57	1.33	-0.42
Observations	139			139		
R ² Tjur	0.023			0.106		
AIC	121.176			126.416		

* $p < 0.05$ ** $p < 0.01$ *** $p < 0.001$

Источник: открытые данные, база данных ЦСИПИ. Расчеты авторов.

Ввиду того что зависимая переменная биномиального типа, в качестве метода мы использовали логистическую регрессию. Результаты анализа представлены в таблице. Опорные категории: неучастие в КСО, ОНФ и выборах, возраст 1–5 лет, сфера — правозащитная.

Результаты регрессионного анализа противоречивы. С одной стороны, мы видим шум в данных и ни один из предикторов не имеет статистиче-

ской значимости хотя бы на минимально конвенциональном уровне. Это может свидетельствовать о том, что для такого аналитического инструмента, как логистическая регрессия, выбрано излишне большое количество предикторов, каждый из которых недостаточно точен. Однако и в первой модели, разработанной только для политических факторов, коэффициенты принципиально не отличаются и никакой из факторов статистически незначим. В обеих моделях членство в КСО, в ОНФ и участие в выборах отрицательно связано с участие НКО в протестах с политическими требованиями. Более старший возраст (обе категории), вопреки ожиданию, имеет положительную связь. Сфера деятельности НКО по всем выделенным категориям также не показывает статистической значимости, а также наша гипотеза здесь оказалась неверна — экологические и профсоюзные НКО не демонстрируют склонности к протестам с политическими требованиями. И хотя направление связи переменных соответствует нашим гипотезам, мы не имеем оснований говорить о значимости выделенных критериев.

Выводы и дискуссия

Результаты статистического анализа могут свидетельствовать, что связь между НКО и политическими протестами более сложная, чем мы это допускаем в исследовательской модели. Возможно, порог перехода к протестному репертуару невысокий и не такой критичный, как принято полагать, и соответственно не приводит к политизации требований. Вероятно, протесты НКО как таковые выполняют функцию ограниченного участия или обратной связи (Wischermann et al. 2016). Еще одним объяснением может быть то, что на выбор НКО политического или неполитического протеста накладывает отпечаток субнациональный контекст, не учитываемый в нашей модели: местные структурные характеристики экономики или устойчивость элитного консенсуса на местном уровне.

В исследовании не удалось определить точные предикторы использования НКО политических форма взаимодействия с государством, тем не менее это исследование подтверждает основное направление наших теоретических ожиданий: о возможностях НКО получить дополнительные возможности для реализации своей миссии, отрицательной связи между включенностью НКО в социально-политический процесс и вероятностью участия НКО в протестах с критикой режима. Политическая активность не представляется чем-то совершенно инородным для руководителей НКО в России, и этот вопрос заслуживает дальнейших исследований с более широкой выборкой.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00075 «Социально ориентированные НКО и региональные органы власти России: модели эффективного взаимодействия для оказания социальных услуг населению». Авторы признательны Андрею Семенову за советы и помощь в сборе информации.

Литература

Бизюков П.В. (2011) Динамика трудовых протестов в России (2008–2011). *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, 108(2): 29–37.

Борисова Н.В., Минаева Э.Ю. (2016) Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям: представительство этнических групп на региональном уровне в России. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4: 168–179.

Журавлев О., Савельева Н., Ерпылева С. (2014) Индивидуализм и солидарность в новых российских гражданских движениях. *Журнал исследований социальной политики*, 12(2): 185–200.

Краснопольская И., Мерсиянова И. (2014) Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций. *Форсайт*, 8(4): 40–52.

Семенов А. (2018) Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации. *Социологическое обозрение*, 17(2): 317–341.

Семёнов А.В., Бедерсон В.Д. (2017) Организационные реакции российских НКО на законодательные изменения 2012 г. *Экономическая социология*, 18(2): 11–40.

Тарасенко А., Кулмала М. (2015) *Ветеранские организации как заинтересованные группы: возможности и ограничения клиентелизма для защиты социальных прав в регионах России* [http://eu.spb.ru/images/M_center/Tarasenko_Kulmala_working_paper_2015.pdf] (дата обращения: 12.01.2020).

Тарасенко А. (2015) *Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благоденствия*. СПб.: Норма.

Тарасенко А.В. (2018) Региональные особенности реформы сиротских учреждений в России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 115–139.

Филиппова Л.Е. (2018) «политизация» vs «деполитизация»: поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля. *Политическая наука*, 2: 95–115.

Якобсон Л.И. (2014) Школа демократии: формирование гражданских добродетелей. *Общественные науки и современность*, 1: 93–106.

Armstrong D.O., Reuter J., Robertson G.B. (2019) Getting the opposition together: protest coordination in authoritarian regimes. *Post-Soviet Affairs*, 36(1): 1–19.

Boix C., Svoboda M.W. (2013) The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships. *The Journal of Politics*, 75(2): 300–316.

Boulding C.E. (2010) NGOs and political participation in weak democracies: Subnational evidence on protest and voter turnout from Bolivia. *The Journal of Politics*, 72(2): 456–468.

Cohen J.L., Arato A. (1994) *Civil society and political theory*. Cambridge: MIT Press.

Doyle J.L. (2017) State control of civil society organizations: the case of Turkey. *Democratization*, 24(2): 244–264.

Dupuy K.E., Ron J., Prakash A. (2015) Who survived? Ethiopia's regulatory crackdown on foreign-funded NGOs. *Review of International Political Economy*, 22(2): 419–456.

Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorships. *Economics & politics*, 18(1): 1–26.

Giersdorf S., Croissant A. (2011) Civil society and competitive authoritarianism in Malaysia. *Journal of Civil Society*, 7(1): 1–21.

Gilbert L. (2016) Crowding Out Civil Society: State Management of Social Organisations in Putin's Russia. *Europe-Asia Studies*, 68(9): 1553–1578.

Guriev S., Treisman D. (2019) Informational autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4): 100–127.

Gupta D. (2009) The power of incremental outcomes: How small victories and defeats affect social movement organizations. *Mobilization: An International Quarterly*, 14(4): 417–432.

Hannan M.T., Freeman J. (1989) *Organizational ecology*. Cambridge: Harvard University Press.

Heurlin C. (2010) Governing civil society: The political logic of NGO-state relations under dictatorship. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 21(2): 220–239.

Hsu C. (2009) *Chinese NGOs and the state: institutional interdependence rather than civil society*. San Francisco: American Sociological Association.

Hsu C.L. (2015) China Youth Development Foundation: GONGO (government-organized NGO) or GENGO (government-exploiting NGO)? In: Hasmath R., Hsu C.L. (eds.) *NGO governance and management in China*. L.: Routledge: 165–181.

Huang R., Sun X. (2019) Dual mediation and success of environmental protests in China: a qualitative comparative analysis of 10 cases. *Social Movement Studies*, 19(4): 1–18.

Kawakibi S. (2013) The Paradox of Government-Organized Civil Activism in Syria. In: Aarts P., Cavatorta F. (eds.) *Civil Society in Syria and Iran: Activism in Authoritarian Contexts*. Boulder: Lynne Rienner: 169–178.

Keane J. (1988) *Democracy and civil society: on the predicaments of European socialism, the prospects for democracy, and the problem of controlling social and political power*. L.; N.Y.: Verso.

Kim W., Gandhi J. (2010) Coopting workers under dictatorship. *The Journal of Politics*, 72(3): 646–658.

Kirdina S.G., Popova I.P. (2014) Prospects of sociological and institutional analysis of professional associations in Russia. In: Mansurov V. (eds.) *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology*. Moscow: Russian Society of sociologists: 35–47.

Kulmala M., Tarasenko A. (2016) Interest representation and social policy making: Russian veterans' organisations as brokers between the state and society. *Europe-Asia Studies*, 68(1): 138–163.

Lagerkvist J. (2015) The Unknown Terrain of Social Protests in China: 'Exit', 'Voice', 'Loyalty', and 'Shadow'. *Journal of Civil Society*, 11(2): 137–153.

LeVan A.C. (2011) Questioning Tocqueville in Africa: continuity and change in civil society during Nigeria's democratization. *Democratization*, 18(1): 135–159.

Lewis D. (2013) Civil society and the authoritarian state: Cooperation, contestation and discourse. *Journal of Civil Society*, 9(3): 325–340.

Lorch J., Bunk B. (2016) Gender politics, authoritarian regime resilience, and the role of civil society in Algeria and Mozambique. *GIGA-German Institute of Global and Area Studies, Working Paper*, (292): 1–41.

Magaloni B. (2006) *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B., Wallace J. (2008) *Citizen loyalty, mass protest and authoritarian survival*. In *Conference on Dictatorships: Their Governance and Social Consequences*. Princeton: Princeton University Press.

Mersijanova I., Jakobson L. (2007) *Social Activity of Population and Citizens' Perception of Conditions for Civil Society Development*. Moscow: HSE Publishers.

Moser A. (2003) Acts of resistance: the performance of women's grassroots protest in Peru. *Social Movement Studies*, 2(2): 177–190.

Najam A. (2000) The four C's of government third Sector-Government relations. *Nonprofit management and leadership*, 10(4): 375–396.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton: Princeton university press.

Reuter O.J., Robertson G.B. (2014) Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*, 77(1), 235–248.

Richter J., Hatch W.F. (2013) Organizing civil society in Russia and China: A comparative approach. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 26(4): 323–347.

Robertson G.B., Teitelbaum E. (2011) Foreign direct investment, regime type, and labor protest in developing countries. *American Journal of Political Science*, 55(3): 665–677.

Rochlitz M. (2015) At the Crossroads: Putin's Third Presidential Term and Russia's Institutions. *Political Studies Review*, 13(1): 59–68.

Sheng Y. (2009) Authoritarian co-optation, the territorial dimension: provincial political representation in post-Mao China. *Studies in Comparative International Development*, 44(1): 71–93.

Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The non-profit sector in today's Russia: Between confrontation and co-optation. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 531–563.

Spires A. J. (2011) Contingent symbiosis and civil society in an authoritarian state: Understanding the survival of China's grassroots NGOs. *American journal of sociology*, 117(1): 1–45.

Spirina M. (2015) Organizational Specifics of the Volunteer Movement: Comparing the Experience of Russia and France. *Journal of Economic Sociology*, 16(2): 24–54.

Teets J.C. (2014) *Civil society under authoritarianism: The China model*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wang T.S. (2017) The legal development of Taiwan in the 20th century: toward a liberal and democratic country. In: Albert H.Y. Chen, Ginsburg T. (eds.) *Public Law in East Asia*. L.: Routledge: 125–153.

Wischermann, J., Bunk B., Köllner P., Lorch J. (2016) Do Associations Support Authoritarian Rule? Tentative Answers from Algeria, Mozambique, and Vietnam. *GIGA-German Institute of Global and Area Studies Working Paper*, 295: 1–30.

Wu F. (2013) Environmental activism in provincial China. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 15(1): 89–108.

Zald M.N., McCarthy J.D. (1979) *The dynamics of social movements: Resource mobilization, social control, and tactics*. Boston: Little Brown & Co.

Zavadskaya M. (2012) Duma Incumbents and «Party Of Power»: Cross-Temporal Analysis. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 66(3): 121–131.

Источники

РИА Новости (2019) Нюта Федермессер выдвинулась в депутаты Мосгордумы от 43 округа. *РИА Новости* [<https://ria.ru/20190609/1555422142.html>] (дата обращения: 12.01.2020).

NGOS IN CONTEMPORARY RUSSIA: PARTICIPATION IN POLITICAL PROTESTS

Vsevolod Bederson (vsbederson@gmail.com),
Vyacheslav Loginov

Perm State University,
Perm, Russia

Citation: Bederson V., Loginov V. (2020) NKO v sovremennoy Rossii: analiz uchastiya v politicheskikh protestakh [NGOs in contemporary Russia: participation in political protests]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 163–182 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.6>

Abstract. Our analysis focuses on the question why professional NGOs in contemporary Russia, in addition to conventional non-political forms of interaction with the authorities, practice political protests. The article is based on data on protests in the Russian regions in 2013 and in 2015. We examine political and organizational factors that facilitate and hinder participation of NGOs in protests with political demands. We use logistic binomial regression method to analyze how the participation of NGOs in protests is related to political requirements and the membership of NGOs in advisory bodies, in the All-Russian Popular Front, participation in elections, the age / experience of NGOs, and the field of activity of NGOs. The results of our analysis are contradictory. On the one hand, none of the predictors has statistical visibility at the least conventional level. On the other hand, the direction of the association of the variables corresponds to the theoretical expectation and hypotheses. Membership in advisory bodies, in ARPF and participation in elections is negatively related to the participation of NGOs in protests with political demands. An older age, contrary to expectations, has a positive relationship. The field of activity of NGOs in all selected categories does not show statistical visibility.

Keywords: NGO, protest, elections, civic associations.

Acknowledgments

This study has been made with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the research project no. 18-311-00075 “Socially oriented NGOs and regional authorities of Russia: models of effective interaction for the provision of social services to the population”. The authors are grateful to Andrey Semenov for advice and assistance in collecting information.

References

- Armstrong D., Reuter O.J., Robertson G.B. (2019) Getting the opposition together: protest coordination in authoritarian regimes. *Post-Soviet Affairs*, 36(1): 1–19.
- Bizyukov P.V. (2011) Dinamika trudovykh protestov v Rossii (2008–2011) [Dynamics of labor protests in Russia (2008–2011)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion: Data. Analysis. Discussions], 108(2): 29–37 (in Russian).

Boix C., Svoboda M.W. (2013) The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships. *The Journal of Politics*, 75(2): 300–316.

Borisova N.V., Minaeva E.Y. (2016) Konsul'tativno-soveshchatel'nye organy po mezhnatsional'nym otnosheniyam: predstavitel'stvo etnicheskikh grupp na regional'nom urovne v Rossii [Consultative and Advisory Bodies for Interethnic Relations: Ethnic Groups Representation at the Subfederal Level in Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Perm University. Series: Political Science], 4: 168–179 (in Russian).

Boulding C.E. (2010) NGOs and political participation in weak democracies: Subnational evidence on protest and voter turnout from Bolivia. *The Journal of Politics*, 72(2): 456–468.

Cohen J.L., Arato A. (1994) *Civil society and political theory*. Cambridge: MIT Press.

Doyle J.L. (2017) State control of civil society organizations: the case of Turkey. *Democratization*, 24(2): 244–264.

Dupuy K. E., Ron J., Prakash A. (2015) Who survived? Ethiopia's regulatory crackdown on foreign-funded NGOs. *Review of International Political Economy*, 22(2): 419–456.

Filippova L.E. (2018) "Politizatsiya" vs "depolitizatsiya": poisk al'ternativnykh strategicheskikh proektov i vozmozhnosti strukturirovaniya politicheskogo polya [«Politicization» vs «depoliticization»: the search for alternative strategic projects and the possibility of structuring the political field]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2: 95–115 (in Russian).

Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, cooptation, and rebellion under dictatorships. *Economics & politics*, 18(1): 1–26.

Giersdorf S., Croissant A. (2011) Civil society and competitive authoritarianism in Malaysia. *Journal of Civil Society*, 7(1): 1–21.

Gilbert L. (2016) Crowding Out Civil Society: State Management of Social Organisations in Putin's Russia. *Europe-Asia Studies*, 68(9): 1553–1578.

Gurieva S., Treisman D. (2019) Informational autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, 33(4): 100–127.

Gupta D. (2009) The power of incremental outcomes: How small victories and defeats affect social movement organizations. *Mobilization: An International Quarterly*, 14(4): 417–432.

Hannan M.T., Freeman J. (1989) *Organizational ecology*. Cambridge: Harvard University Press.

Heurlin C. (2010) Governing civil society: The political logic of NGO-state relations under dictatorship. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 21(2): 220–239.

Hsu C. (2009) *Chinese NGOs and the state: institutional interdependence rather than civil society*. San Francisco: American Sociological Association.

Hsu C.L. (2015) China Youth Development Foundation: GONGO (government-organized NGO) or GENGO (government-exploiting NGO)? In: Hasmath R., Hsu C. L. (eds.) *NGO governance and management in China*. London: Routledge: 165–181.

Huang R., Sun X. (2019) Dual mediation and success of environmental protests in China: a qualitative comparative analysis of 10 cases. *Social Movement Studies*, 19(4): 1–18.

Jakobson L.I. (2014) Shkola demokratii: formirovanie grazhdanskikh dobrodetelye [The school of democracy: the formation of civic virtues] *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity], 1: 93–106 (in Russian).

Kawakibi S. (2013) The Paradox of Government-Organized Civil Activism in Syria. In: Aarts P., Cavatorta F. (eds.) *Civil Society in Syria and Iran: Activism in Authoritarian Contexts*. Boulder: Lynne Rienner: 169–178.

Keane J. (1988) *Democracy and civil society: on the predicaments of European socialism, the prospects for democracy, and the problem of controlling social and political power*. London; New York: Verso.

Kim W., Gandhi J. (2010) Coopting workers under dictatorship. *The Journal of Politics*, 72(3): 646–658.

Kirdina S.G., Popova I.P. (2014) Prospects of sociological and institutional analysis of professional associations in Russia. In: Mansurov V. (eds.) *Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology*. Moscow: Russian Society of sociologists: 35–47.

Krasnopolskaya I., Mersijanova I. (2014) Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda proizvodstva i rasprostraneniya sotsial'nykh innovatsiy [Civil society as an environment for the production and dissemination of social innovations]. *Forsayt*, 8(4): 40–52 (In Russian).

Kulmala M., Tarasenko A. (2016) Interest representation and social policy making: Russian veterans' organisations as brokers between the state and society. *Europe-Asia Studies*, 68(1): 138–163.

Lagerkvist J. (2015) The Unknown Terrain of Social Protests in China: 'Exit', 'Voice', 'Loyalty', and 'Shadow'. *Journal of Civil Society*, 11(2): 137–153.

LeVan A.C. (2011) Questioning Tocqueville in Africa: continuity and change in civil society during Nigeria's democratization. *Democratization*, 18(1): 135–159.

Lewis D. (2013) Civil society and the authoritarian state: Cooperation, contestation and discourse. *Journal of Civil Society*, 9(3): 325–340.

Lorch J., Bunk B. (2016) Gender politics, authoritarian regime resilience, and the role of civil society in Algeria and Mozambique. *GIGA-German Institute of Global and Area Studies, Working Paper*, 292: 1–41.

Magaloni B. (2006) *Voting for autocracy: Hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B., Wallace J. (2008) *Citizen loyalty, mass protest and authoritarian survival. In Conference on Dictatorships: Their Governance and Social Consequences*. Princeton: Princeton University Press.

Mersijanova I., Jakobson L. (2007) *Social Activity of Population and Citizens' Perception of Conditions for Civil Society Development*. Moscow: HSE Publishers.

Moser A. (2003) Acts of resistance: the performance of women's grassroots protest in Peru. *Social Movement Studies*, 2(2): 177–190.

Najam A. (2000) The four C's of government third Sector-Government relations. *Nonprofit management and leadership*, 10(4): 375–396.

Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1994) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton: Princeton university press.

Reuter O.J., Robertson G.B. (2014) Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*, 77(1): 235–248.

Richter J., Hatch W.F. (2013) Organizing civil society in Russia and China: A comparative approach. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 26(4): 323–347.

Robertson G.B., Teitelbaum E. (2011) Foreign direct investment, regime type, and labor protest in developing countries. *American Journal of Political Science*, 55(3): 665–677.

Rochlitz M. (2015) At the Crossroads: Putin's Third Presidential Term and Russia's Institutions. *Political Studies Review*, 13(1): 59–68.

Semenov A., Bederson V. (2017) Organizatsionnye reaktsii rossiyskikh NKO na zakonodatel'nye izmeneniya 2012 g. [Organizational Reactions of Russian NGOs to 2012 Legislative Changes]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 18(2): 35–40 (in Russian).

Semenov A. (2018) Sobytiynyy analiz protestov kak instrument izucheniya politicheskoy mobilizatsii [Event analysis of protests as a tool for studying political mobilization]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 17(2): 317–341 (In Russian).

Sheng Y. (2009) Authoritarian co-optation, the territorial dimension: provincial political representation in post-Mao China. *Studies in Comparative International Development*, 44(1): 71–93.

Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The non-profit sector in today's Russia: Between confrontation and co-optation. *Europe-Asia Studies*, 70(4): 531–563.

Spires A.J. (2011) Contingent symbiosis and civil society in an authoritarian state: Understanding the survival of China's grassroots NGOs. *American journal of sociology*, 117(1): 1–45.

Spirina M. (2015) Organizational Specifics of the Volunteer Movement: Comparing the Experience of Russia and France. *Journal of Economic Sociology*, 16(2): 24–54.

Tarassenko A., Kulmala M. (2015) *Veteranskie organizatsii kak zainteresovannye grupy: vozmozhnosti i ogranicheniya klientelizma dlya zashchity sotsial'nykh prav v regionakh Rossii* [Veterans' organizations as interest groups: opportunities and limitations of clientelism to protect social rights in Russian regions] [http://eu.spb.ru/images/M_center/Tarassenko_Kulmala_working_paper_2015.pdf] (accessed: 12.01.2020) (in Russian).

Tarassenko A. (2015) *Nekommercheskiy sektor v stranakh Evropeyskogo Soyuzha i Rossii v kontekste transformatsii gosudarstva blagosostoyaniya* [Non-profit sector in the European Union and Russia in the context of the transformation of the welfare state]. St. Petersburg: Norm (in Russian).

Tarassenko A.V. (2018) Regional'nye osobennosti reformy sirotskikh uchrezhdeniy v Rossii [Regional features of the reform of orphanages in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], 21(3): 115–139 (in Russian).

Teets J.C. (2014) *Civil society under authoritarianism: The China model*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wang T. S. (2017) The legal development of Taiwan in the 20th century: toward a liberal and democratic country. In: Albert H.Y. Chen, Ginsburg T. (eds.) *Public Law in East Asia*. London: Routledge: 125–153.

Wischermann, J., Bunk B., Köllner P., Lorch J. (2016) Do Associations Support Authoritarian Rule? Tentative Answers from Algeria, Mozambique, and Vietnam. *GIGA-German Institute of Global and Area Studies Working Paper*, 295: 1–30.

Wu F. (2013) Environmental activism in provincial China. *Journal of Environmental Policy & Planning*, 15(1): 89–108.

Zald M.N., McCarthy J.D. (1979) *The dynamics of social movements: Resource mobilization, social control, and tactics*. Boston: Little Brown & Co.

Zavadskaya M. (2012) Duma Incumbents and “Party of Power”: Cross-Temporal Analysis. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 66(3): 121–131.

Zhuravlev O., Savelyeva N., Erpyleva S. (2014) Individualizm i solidarnost' v novyh rossijskikh grazhdanskih dvizheniyah [Individualism and Solidarity in the New Russian Civil Movements]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoj politiki* [Journal of Social Policy Research], 12(2): 185–200 (in Russian).